

18+

Лев Триб

Дежавю сновидений

Апология Колумба

История второго пришествия

Лев Триб

**Дежавю сновидений.
Апология Колумба. История
второго пришествия**

«Издательские решения»

Триб Л.

Дежавю сновидений. Апология Колумба. История
второго пришествия / Л. Триб — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505028-1

«Дежавю сновидений» посвящена памяти матери автора, сотворившей чудо
воскрешения своего сына. «Апология Колумба» — воспоминания автора
о своей прошлой жизни, связанной с Христофором Колумбом. «История
второго пришествия» — невероятная история второго пришествия Христа.

ISBN 978-5-00-505028-1

© Триб Л.
© Издательские решения

Содержание

Дежавю сновидений	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дежавю сновидений. Апология Колумба. История второго пришествия Лев Триб

© Лев Триб, 2019

ISBN 978-5-0050-5028-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дежавю сновидений

Памяти моей матери

Проснулся я рано утром. Сказалось волнение в связи с предстоящей медицинской комиссией в военкомате. Не то, чтобы я очень боялся армии, но перспектива резкого изменения сложившегося к этому времени уклада моей жизни на долгие три года, удручала. Вызывал беспокойство предстоящий длительный академический отпуск в политехе, в котором я успел закончить два курса вечернего факультета. Но в принципе я был готов к армии, понимая, что у меня нет существенных причин избежать призыва. Коротая время в постели в ожидании рассвета, я отвлекал себя от неприятных мыслей тем, что пытался восстановить в своей памяти окончание сна, который прервался, как это обычно бывает, в самый кульминационный момент. Сам сон я помнил хорошо, поскольку видел его не в первый раз. Впервые он приснился мне в 1948 или в 1949 году, в самый разгар первой, после возрождения государства Израйля, арабо-израильской войны. В то время я учился, правильнее будет сказать – мучился, в третьем или четвертом классе школы города Пушкина, в пригороде Ленинграда, где оказался единственным мальчиком еврейского происхождения с выраженными семитскими чертами, чего хватило для выражения мне всенародного негодования по поводу агрессивности израильских сионистов. Метафорически говоря, я стал мишенью в образе козленка отпущения, поскольку до козла еще не дорос. Затравленный козленок, каковым я был, ровным счетом ничего не понимал: ни почему он сионист, ни кто они такие, и почему он должен убраться в «свою» Палестину. Требования, или почти дружеские советы, валить в Палестину мне и всем жидам города Пушкина шли от чистых сердец моих ровесников, но никто из них не сумел объяснить, где находится эта Палестина и что я там забыл. Не смогли ничего толком сказать и взрослые. Тогда я жил с родителями и с маленькой сестренкой в одной из комнат, большой коммунальной квартиры, в которой примерно половину съемщиков составляли родители моих патриотичных одноклассников, вдохновлявшие своих юных отроков-антисионистов. Другая половина съемщиков придерживалась политики нейтралитета, предпочитая не участвовать в коммунальных разборках по бытовым и национальным вопросам. У многих даже доставало мужества отвечать на мои утренние приветствия и здороваться с моими родителями. У одного из них, дяди Федя, милиционера, я спросил, – где находится Палестина и как до нее можно добраться, поездом или автобусом. Дядя Федя серьезно посмотрел на меня и спросил: «А разве твои родители не знают, как туда ехать?» Я также серьезно ответил, что нет, они не знают, потому, что все равно они не поедут туда, так как не кому будет отвести на пастбище нашу корову, у которой скоро будет теленок. Дядя Федя кивнул головой и сказал: «Да, точно, я забыл, что у вас корова. Аа Палестина, точно не помню, но, если не вру, она где-то в Африке, или в Египте, да и фиг с ней». Вообще-то он сказал другое слово, но я уже знал, что то слово плохое и я никогда не должен его повторять. Потом я все же узнал, что Палестина находится на Ближнем Востоке и действительно не далеко от Африки и Египта, так что дядя Федя – милиционер мог бы и не говорить того плохого слова. Узнал я, что там, когда-то очень давно жили евреи, а потом стали жить другие люди, которые теперь наши друзья. Теперь они воюют с нами, то есть не с нами, а с теми евреями, которые жили там до них. Еще мне объяснили, что те, кто требуют, чтобы евреи убирались в Палестину, делают плохо нашим арабским друзьям, так как те совсем не хотят, чтобы евреи возвратились на землю, которую они привыкли считать своей. Вновь тот же сон повторился в разгар кульминационной деятельности сионистов, которых теперь стали называть «безродными космополитами». И снова, так же как четыре года назад, когда началась вредительская деятельность «безродных», мне никто не смог разъяснить, кто, собственно, такие эти космо-

политы и почему они безродные. Единственное объяснение, было мне дано все тем же дядей Федей-милиционером, который сказал коротко, но вразумительно:» —

Космополиты вы, евреи». – «А почему мы безродные?» – «Как почему?! – возмущился дядя Федя. – Вы же не уехали на свою родину в Палестину, а променяли ее на корову. Разве не так?» Не скажу, что я был удовлетворен его ответом, но я был покорен его искренней убежденностью и даже, как мне показалось, его сочувствием то ли к моему слабоумию, то ли к моим глупым родителям, отдавшим предпочтение безродной корове, а не своей исторической родине. Как ни странно, более полные сведения я получил из политинформаций на школьных переменках и по дороге из школы к своему дому от бывших юных октябрят-антисионистов, ставших к этому времени юными борцами с безродным космополитизмом. Они доходчиво теоритически, изъясняясь на дворово-блатном жаргоне, и практически, что наиболее способствовало пониманию азов политграмотности, вдолбили в мою глупую, все еще козлиную голову, что все жиды (они же евреи), во главе с жидовскими врачами, внедрившимися в ряды академиков и в Кремль, отравили всех военных, писателей и даже самого какого-то Жданова. Все мы (жиды) на самом деле – и это написано даже в газете, – везде, и в Пушкине тоже, – шпионы, врачи-убийцы, проклятые сионисты, и все скрываемся под масками и что-то еще, чего я уже не помню. Но мое лицо на длительное время действительно стало похоже на уродливую маску и представляло собой, эксклюзивный артефакт коллективного творчества юных борцов, всегда готовых на любое дело за Ленина и Сталина – Плоды такого «дела» были излишне натуралистичны, а потому очевидны не только для меня. И наконец, чтобы закончить зарисовки исторического фона, на котором происходили события, запечатленные в том повторяющемся сне, я должен сказать, что и последний просмотр этого сна, с которого я начал свой рассказ, проходил по существу на том же фоне антисемитской агрессии, вызванной теми же источниками. В результате двух предыдущих арабо-израильских войн, Израиль отстоял свою независимость как государства. Но арабы, при открытой поддержке своего верного друга Советского Союза, по-прежнему продолжали военные вылазки против Израиля. Где-то за месяц до моего призыва в армию и соответственно за месяц до последнего просмотра моего, пока еще так и не рассказанного сна, президент Египта, верный друг, и Герой Советского Союза, Гамаль Абдель Насер, публично заявил, о предстоящей новой войне с Израилем, целью которой станет полное «уничтожение Израиля и сброс, уцелевших в ходе войны евреев в море», добавив при том, что, «как ему кажется, никто из евреев не уцелеет». В целом ситуация для Израиля была очень тревожная, с учетом того, что он не мог рассчитывать на чью-либо помощь, в отличие от Египта, с его союзниками Сирией и Иорданией. Тем не менее, в основном благодаря авиации, уничтожившей военную технику и, тем самым, полностью деморализовавшей войска арабской коалиции, Израиль за шесть дней одержал убедительную победу, несмотря на численное превосходство у арабов боевой техники и сухопутных войск. Я рассказываю об этой третьей в новейшей истории арабо-израильской войне не для того, чтобы позлорадствовать над поверженным врагом своей исторической родины, хотя и не скрываю своего «глубокого морального удовлетворения» ее исходом, но, чтобы обратить внимание: уже в третий раз в моей, на то время, не такой уж продолжительной, жизни, я – наряду со всеми моими семитскими сородичами – подвергся воздействию мощной лавины негативной, темной антисемитской энергии, активно генерируемой в самом центре страны, в которой мне довелось родиться. Однако, несмотря на то, что я никогда бы не произнес пафосных слов: – «За детство счастливое наше спасибо, родная страна», поскольку и детства счастливого у меня не было, и для страны я всегда был безродным космополитом (я до сего времени, так и не понял значения этих слов), я люблю мою страну, как любят своих родителей, какие бы они не были, потому что их, родителей, не выбирают. Хотя на последнее утверждение у меня другая точка зрения.

Как до меня дошло лишь спустя много лет, именно эта вредоносная болезнетворная энергия, причины распространения которой я описал в работе «Антивирусный экстракт антисемитизма», стимулировала тот вибрационный импульс, который вызывал в моей, тогда еще не зашлакованной гнусными событиями двух десятилетий моей жизни генной памяти, эпизод из прошлой жизни моей духовной сущности.

В виду некоторых обстоятельств, у меня есть основания предполагать, что та, прошлая, жизнь прошла в кастильском городе Толедо, в самом центре Испании, в период правления королевы Изабеллы Кастильской и Фердинанда (, не помню, какого по счету, если не ошибаюсь, то второго). Одним из итогов Реконквисты, завершившей длительное мусульманское владычество в Испании и Португалии, явилось насильственное обращение в христианство мусульман и евреев. Причем евреи представляли для испанской короны наибольший интерес, особенно их имущество, которое, согласно указу королевы, подлежало конфискации в случае отказа евреев от добровольного крещения. Ко времени проведения этой чисто по-христиански милосердной миссии, проводившейся во славу великого еврея Иисуса Христа, сефарды – так звали испанских евреев – жили в Испании без малого полторы тысячи лет, пользуясь уважением и не редко занимая высокое положение в правительстве благодаря своему уму и умению вести дела. Та часть евреев, которая не смогла или не захотела уехать, но хотела избежать посягательств на свою жизнь и имущество, добровольно крестилась и стала называться марранами. Многие из них продолжали тайно исповедовать иудаизм и совершать религиозные обряды до тех пор, пока по доносам, их не сжигали на кострах инквизиции. Многие евреи, не имевшие возможности уехать из Испании и отказавшиеся от добровольного обращения в христианство, не смотря на формальные королевские указы «о защите еврейских кварталов от нападений соседей – христиан», стали жертвами христиан-погромищков. Так уж получилось, что впервые я узнал о трагической судьбе испанских евреев не из уроков истории, не из советской энциклопедии, а из своего красочного сна. По драматизму и яркости впечатлений он на долгие годы затмил для меня все шедевры Голливуда, снятые на высококлассной цветной пленке, которые не могли передать натурализм психических и физиологических ощущений – таких, которые возникали у меня с каждым повторением этого сна...

– Я не видел себя. Мне было не до того, чтобы искать свое отражение. Для истории, о которой пойдет дальше разговор, мой вид не имеет абсолютно никакого значения, но визуальное представление помогло бы, приблизительно определить возраст, в котором я был в той жизни, в то драматическое для всех сефардов время, одним из которых я был. Однако, по скорости, с которой я убежал из синагоги, можно было сообразить, что я был крепким юношей или молодым мужчиной. В синагоге надеялись найти убежище те из нас, кто не успел перебраться куда-нибудь вглубь Европы, и те ортодоксы, которые, подобно своим предкам, предпочли бы разделить участь противостоявших в течение трех лет римским легионам, но отвергших рабство защитников крепости Масада, последнего оплота Израиля, выбрав смерть от рук своих отцов, мужей и своих товарищей. Не знаю, как мне удалось бежать, так же как не знаю, находилась ли в осаде сама синагога. Об этом не было упоминания в том сне. Но все было достоверно, вплоть до ощущения физического напряжения в икрах ног, во время бега.

Много лет спустя, в зрелые годы этой моей жизни, я посетил Толедо, как и другие города Испании в качестве туриста. Благодаря поездке и проявлению эффекта дежавю, я сумел восстановить места событий, запечатленных во сне, предсказавших мне дальнейшую судьбу того прошлого воплощения.

Для рассказываемой мной истории будет не лишне более подробно остановиться на некоторых подробностях эффекта дежавю и, в частности, его проявления во сне. Я приведу несколько выдержек из описания этого эффекта, заимствованных мной из интернет-энциклопедии, полагая, что это не является плагиатом, так как источник, из которого я

взял выдержки, — безымянный. Кроме того, я думаю, что авторы, приведенных мной высказываний, если бы назвали себя, были бы только благодарны тем, кто разделяет и тем более, на собственном опыте подтверждает их убеждения. Я отношу себя к ним и подтверждаю согласие с тем, что оказалось для меня истиной. Более того, я надеюсь, что она (истина) послужит авторитетным свидетельством правдивости моей истории.¹

— Будучи в состоянии дежавю, человек воспринимает происходящие события, как уже пережитые или ранее виденные. Это касается незнакомых мест, которые кажутся давно знакомыми, или определенных событий, когда заблаговременно известны «действия и слова». Люди с античности исследовали этот феномен. По словам Аристотеля, эффект дежавю — это своеобразная игра подсознания, возникающая под воздействием совокупности факторов на психику человека..

Эффект дежавю во сне.

Вы видели во сне место, которое уже посещали, но не в реальной жизни? Эти ощущения — проявление эффекта дежавю во сне, который будоражит умы ученых уже сто пятьдесят лет. Светила науки, объясняя феномен, выдвигают разнообразные причины его появления. Рассмотрим две из них. Первая причина: отголоски прошлого во снах отражают личный опыт человека, полученный в предыдущей жизни. Феномен переселения души. Некоторые психиатры утверждают, что сон действительно может воспроизводить события, которые человек пережил в прошлой жизни. Вторая причина: забытые воспоминания. Ученые, не верящие в переселение души, объясняют феномен дежавю во сне забытыми воспоминаниями. Речь идет о детских впечатлениях или незначительных событиях, которые были когда-то зафиксированы. Во время сна такие «мемуары» поднимаются из глубин памяти и врываются в сознание. Есть еще версия: согласно которой, дежавю во сне предсказания, а не всплывшие на поверхность хранившиеся в глубине памяти воспоминания. Но эта версия явно не мой случай.

Теперь, обогащенный теоритическими знаниями, перехожу к продолжению моей истории, в основе которой мои собственные проявления эффекта дежавю. Итак, я убежал из синагоги, которая в наше время называется Санта-Мария-ла-Бланка. Нас не должно смущать имя христианской святой, поскольку сразу же после изгнания евреев из Испании, в том числе и из Толедо, синагога была преобразована в христианскую церковь, к счастью, сохранив до наших дней уникальную архитектуру и убранство молитвенных помещений. Оставив позади синагогу, я, согласно подсказкам своей генетической памяти, побежал в сторону ворот Камброн. Это, одни из самых древних ворот, которые до сих пор многие называют Еврейскими воротами, поскольку когда — то они служили входом в еврейский район Толедо. Если бы мне удалось проскочить не замеченным через эти ворота, я оказался бы вне досягаемости от моих преследователей, за чертой города, или, говоря по-современному, — вне юрисдикции города. Но, уже совсем не далеко от ворот Камброн, я увидел бегущую навстречу мне группу погромщиков. Даже сейчас, по прошествии почти шестисот лет, меня охватывают отголоски наполнившего всего меня в тот момент страха и безысходности. Я заметался, не зная, куда бежать. В результате я оказался перед стеной задней части монастыря Сан-Хуан-де-лос-Рейес. В том же справочнике туриста сказано, что монастырь был построен после битвы при Торо (1476 г.), в которой решалась судьба наследования кастильского престола между сторонниками короля Португалии Афонсу V и его сына, принца Жуана и приверженцами молодых католических королей Изабеллы I Кастильской и Фердинанда II Арагонского. Вероятно, бог тоже не лишен чувства юмора. Есть определенная ирония в том, что в этом же

---

¹ Эффект дежавю напоминает просмотр киноленты. Человек видел подобный сюжет, но ему не под силу вспомнить, когда именно и при каких условиях. Некоторые пытаются предугадать происходящее, но ничего не получается. Мнения ученых об эффекте дежавю разделились. Одни утверждают, что мозг человека способен кодировать время, другие заявляют, что феномен представляет собой ситуацию, когда человек во время сна видел последовательность определенных событий. При виде схожих обстоятельств в реальности у него появляется этот эффект.

монастыре, построенном в честь новых властителей престола Изабеллы и Фердинанда, повелевших изгнать евреев из Испании, была решена и моя судьба* в той жизни, ибо я увидел, как в стене, не далеко от меня открылась створка монастырских ворот, и, открывший ее монах стал усердно махать рукой, явно призывая меня. Мне некогда было раздумывать, да и был я не в том состоянии. Положившись полностью на помощь бога, я с удвоенной энергией рванул к спасительным воротам и вскоре оказался за стеной монастыря, где меня встретил то ли монах, то ли священнослужитель, который молча показал на винтовую лестницу, жестом предлагая мне подняться по ней. Лестница была крутая и узкая, так что для меня было нелегко поначалу приноровиться к ее узким ступенькам и резким поворотам, почти неразличимым в темноте. Наконец, я дошел до самого верха и оказался в колокольне, в небольшом квадратном помещении с четырьмя узкими арочными проемами во всех стенах. Неожиданно раздался звон колокола..., и я проснулся с первым его ударом.

Два первых просмотра этого сна, в 1948 и 1953 годах, заканчивались на этом месте. В этот же раз, после удара колокола я оказался в месте, похожем на судовой верфь. Быть может, так и было, потому что я увидел остовы двух или трех строящихся кораблей, на одном из которых, по-видимому, уже готовому к спуску в море (верфь была на самом берегу и немного вдавалась в залив, переходящий в море), на палубе стояли священник, спасший меня, какой-то энергичный господин средних лет, одетый по моде того времени, и я. Мой спаситель и господин, которого, как мне запомнилось, звали Христофором, о чем-то оживленно говорили, изредка поглядывая в мою сторону, но не обращаясь ко мне. Я же с интересом разглядывал корабельные снасти, мачты, штурвал и прочее судовое снаряжение, пока меня вдруг не потянули за рукав. Я обернулся и, вместо монаха и господина, увидел молодую красивую женщину, с печальными глазами, в которых разглядел свое отражение. Женщина тыльной стороной ладони коснулась моего лба, словно проверяя, – нет ли у меня температуры, и тихо произнесла, глядя не на меня, будто всматриваясь вдаль: «Левушка, прошу тебя, – останься жив». Я проснулся и, как уже говорил, мучительно пытался вспомнить имя, по которому обратилась ко мне незнакомка. Так и не вспомнив, я стал собираться в военкомат, в котором должна была решиться моя судьба на ближайшие три года.

Медицинское освидетельствование на пригодность допризывников к военной службе, проходила в самом здании военкомата. Возможно, потому, что там было легче обеспечить сохранность необходимого по разнарядке количества призывников. Было проще предупредить вероятность побегов различного рода уклонистов, а также возможной пересортицы за счет инвалидов призывного возраста, которых штатские врачи могли по ошибке считать годными для выполнения конституционного долга. Увы, это не моя ехидная шутка, так бывало, чему я сам, уже будучи на срочной службе, оказался свидетелем, сопровождая инвалида по психиатрии домой в Ленинград, комиссованного только через год службы. Ему я был обязан внеочередным отпуском на целых пять суток. Как говорится, не было бы счастья, да чужое несчастье помогло. Правда, мой подопечный, которого я благополучно сдал в объятия его родителей, был рад не меньше меня.

Допризывники в одних трусах, прижавшись к стенам коридора, ожидали вызова. Среди них стоял и я, мелко подрагивая вместе с остальными новобранцами, от холода. Конец ноября (, как и затем зима), была на редкость холодным. Наконец, вызвали меня. Я вошел, и бодро, стараясь не стучать зубами, строго, по заранее проведенному с нами инструктажу, доложил: «Допризывник Триб для прохождения медицинской комиссии прибыл» – и совсем не по инструкции, добавил от себя: «Здравствуйте!». Однако, на мое приветствие никто, из сидящих за большим столом трех или четырех военврачей в белых халатах, не ответил. Уточнив мои анкетные данные, мне велели повернуться спиной, спустить трусы, затем повернуться и стать к ним лицом, все так же со спущенными трусами. Не знаю, что интересного они увидели, но мне показалось, что в таком виде я простоял довольно долго, успев

представить себя в образе бравого солдата Швейка. Такое сравнение вызвало на моем лице улыбку, вероятно, столь же идиотскую, как и у Швейка, потому что тотчас последовала команда надеть трусы и ответить на вопрос: – чем болел? Тон, каким был задан вопрос, не оставлял сомнений в том, что комиссия ожидала от меня подробного рассказа о многих, не отмеченных в моей медицинской карте болезнях, в том числе и психических, но, вопреки их ожиданиям, я довольно глупо переспросил:

– Когда?

– Что когда?

И, как мне показалось, так же глупо, переспросили меня:

– В детстве, чем болели?

– Ангиной, – приободрившись, ответил я.

– Операции были?

– Да, вырезали последние железы.

Теперь улыбалась комиссия.

– И что, много желез у тебя вырезали?

– А кто его знает, то есть, я не знаю, – ответил я.

– Ладно, – сказал, главный в комиссии. – Еще чем болел?

– Да вроде как ничем больше, разве что когда совсем маленьким был.

– И чем тогда болел?

– Кажется, какой-то пеллагрой, точно пеллагрой.

– Триб, ты что, шутить пришел сюда?

– Так я и не шучу. А, что пеллагрой болел, так то мама мне говорила, и уж точно не шутила, – твердо ответил я.

За столом комиссии началось не понятное для меня оживление. Один из врачей вышел и вскоре вернулся с двумя другими врачами.

– Вот этот, призывник Триб, утверждает, что переболел пеллагрой и, похоже, не врет.

– Вы хотите сказать, что он остался жив?

Кажется, совсем не давно я где-то уже слышал эти слова, промелькнуло у меня в голове.

– Вероятно, как видите... – словно еще продолжая сомневаться, ответил тот, кто привел других врачей.

– Триб, – с участием в голосе, спросил главный в комиссии, – расскажи подробнее, все, что помнишь о том, где, когда заболел. Как лечили? Хотя про это не надо. Короче, расскажи, что знаешь, – попросил он.

– Да мне и рассказать-то нечего. Я мало что помню. Ведь мне было тогда всего три или четыре года. Знаю, что лежал я в палате смертников, в больнице. Кажется, в Ташкенте. Мы там в эвакуации были.

– Как в палате смертников? Ты опять шутишь, – сурово спросил главный.

– Не шучу, так мать говорила. Я не все время был в этой палате, а только последние дни, когда отказались от меня, потому что считали меня безнадежным. А я, как видите, обманул всех и выжил. Мама говорила, что об этом, ну то есть о моем выздоровлении, даже в какой-то газете написали.

Больше вопросов ко мне не было. Меня признали годным к нестроевой службе, которую я относительно благополучно прошел в стройбате Московского военного округа.

Через неделю, за день до обозначенной в повестке дня явки на призывной пункт, дома состоялся прощальный ужин. Мама и сестра приготовили все любимые мной блюда, которые только возможны были в начале зимы. Меня тронуло их внимание, но, кажется, они перестарались, потому что в результате, по крайней мере целый год, я с тоской вспоминал мясо в кисло-сладком соусе, вареники с картошкой и творогом со сметаной, студень, изумительный наполеон, тающий во рту, хрустящие рогастики... Очевидно, родители и сестра надеялись

через мой желудок сохранить как можно дольше мою память о них и почтовый адрес родного дома, но должен признаться, что чаще, как минимум три раза в день, как я сказал, в течение года я вспоминал вкус тех яств, которые по-прежнему дразнят мое воображение. Оставшись от нашей прощальной вечерней трапезы рогалики с вишневым вареньем, мама стала упakovывать в кальку, а затем в газету, по привычке предварительно просматривая ее, чтобы не завернуть рогалик Хрущевым или, не дай бог, в старую газету со Сталиным. Заметив мой удивленный взгляд, мама сказала: «Левушка, это возьмешь с собой, угостишь ребят». Мама продолжила еще о чем-то говорить, но я не слышал, потому что в моей памяти мгновенно возникло окончание сна, виденного мной накануне врачебной комиссии, которое я тогда безуспешно пытался вспомнить. Не знакомая молодая красивая женщина, и, как сейчас я заметил, в чем-то похожая на маму, явственно произнесла: «– Левушка, прошу тебя, останься жив». В том сне эта просьба была обращена ко мне. Мне стало понятно, почему я тогда не запомнил имени, обращенного ко мне.

Тот сон был зарисовкой драматического эпизода из моей прошлой жизни, в которой у меня было другое имя. Тотчас возник вопрос – возможно ли... Еще не успев для себя до конца сформулировать возникшее предположение, я прервал маму и, глядя ей прямо в глаза, пытаюсь увидеть в них свое отражение, то, которое видел тогда в глазах не знакомой женщины, попросил маму вспомнить, не произносила ли она, когда-нибудь, может быть, и во сне, фразу «Левушка, останься жив». Неожиданный вопрос и нетерпение, прозвучавшее в моем голосе, удивило всех, но более всего маму.

– Откуда ты знаешь? Ты же спал, я видела. Неужели я разговаривала во сне, а мне казалось, что я спала?.

– Мам, ты не волнуйся. Вероятно, так и было, и говорила ты не вслух, а во сне. Я потом объясню, как услышал тебя, но сначала ты должна рассказать, что ты видела или, что тебе приснилось той ночью. И вообще, пожалуйста, расскажи нам о себе, все, что помнишь, с самого детства. Стыдно сказать, но мы ничего, или почти ничего не знаем о тебе. Перед такой просьбой, продолжение которой, сама заинтригованная, мама ожидала услышать от меня, и перед натиском моей сестренки, бурно поддержавшей меня, мама не могла устоять и начала рассказывать, часто останавливаясь, вспоминая или обдумывая то, о чем можно сказать, а о чем лучше промолчать. Будет лучше, если я своими словами перескажу то, что мама нам поведала, избегая ее пауз и не всегда стройных, не совсем логичных воспоминаний, полностью простительных маме, учитывая ее волнение и возраст.

– В памяти маленькой Рахиль, так звали мою маму, остались смутные расплывчатые образы ее мамы, папы. Лучше она запомнила своего дедушку, хотя и не помнила, чьим папой он был. Тот день последний и первый день ее детства, который она запомнила, прежде чем ее втиснули в собачью конуру. Не запомнив ясно родных лиц, она отчетливо видела их испуг.. Видела подрагивающее лицо и трясущиеся руки своего старого дедушки, нашептывающего одну и ту же молитву, единственную, которую он помнил от начала и до конца: «Шма Израэль. Адонай элла эйну. Адонай эход...». Папочка обреченно повторял: «Что делать, что делать, я не знаю, не знаю...» Мама казалась спокойней отца и дедушки, но и она, не выдержав, крикнула: «Хватит причитать!. Никакой бог нам не поможет». В этот момент открылась дверь, и в комнату, без стука вбежала соседка тетя Оксана, которую маленькая Рахиль хорошо знала и любила за то, что она позволяла ей играть и дружить с большой лохматой собакой, которую так и звали Дружком. «Быстро, как у вас говорят, бикицер, соберите Рахиль, я спрячу ее. Нет, только ее, вас не могу, вас найдут. Быстрее, шевелитесь, черные скоро придут». Слова, которые запомнила Рахиль, и, как оказалось, на всю жизнь, были словами дедушки, к которому ее подвели для прощального поцелуя: «Запомни, маленькая, Он есть, Он точно есть, я знаю это». И последние слова были те же: «Шма Израэль. Адонай элла эйна...» Тетя Оксана вырвала Рахиль из объятий плачущих родителей, крепко взяла ее

за ручку, и они побежали через старый, не заделанный пролом в заборе позади дома, в сад, с мазанкой Оксаны, висевшей на не большом пригорке. У собачьей будки, из которой выбежал навстречу своей подружке Дружок, Оксана остановилась и, посмотрев по сторонам, утвердительно сказала сама себе: «Здесь не найдут, Дружок не позволит». Наклонившись к Рахиль, Оксана зашептала в самое ушко: «Рахиль, гарная моя малышка, посиди со своим дружком в его домике и не выходи из него, пока я сама не приду за тобой. Девочка, ты поняла меня? Сиди тихо, а не то.... Дружок будет с тобой и не даст тебя в обиду. Верно я говорю?». Последние слова были адресованы собаке, которая всем своим видом показывала, что на нее вполне можно положиться. Поцеловав и перекрестив малютку Рахиль, Оксана втиснула ее в будку под бок радостно повизгивающего Дружка. Утомленная быстрой перебежкой, перепуганная не понятными дневными событиями, уютно пристроившись на пушистом боку своего дружка, моментально уснула, изредка вздрагивая во сне всем телцем. Уже стемнело, когда Рахиль услышала голос тети Оксаны: – Вставай, дитячко, просыпайся, маленькая, пойдем в хату. Рахиль проснулась, не понимая, где она, но, увидев Дружка, вспомнила. – Тетя Оксана, ты отведешь меня домой?, А то уже темно, мама не разрешает мне ходить одной вечером. – Нет, малышка, мы пойдем ко мне в хату, поживешь пока со мной и с Дружком, пока не придет твоя сестра.

– А как же мама, она не будет меня ругать? —

– Нет, солнышко, не будет, теперь уж никогда не будет. Оксана поцеловала девочку и повела ее к себе в хату.

Прежде чем я продолжу рассказ, дам не большую справку о времени, с которого начались воспоминания маленькой Рахили.

Моя мама родилась в 1913 году на Украине, в Новомиргороде. Город был основан в 1740 году. и был заселен в основном выходцами из-под Миргорода Полтавской губернии, поэтому и получил такое название. Позднее он стал уездным городом Херсонской губернии. Почти до середины 19 века город был подчинен ведомству военных поселений. После отмены военных поселений в Новомиргороде проживали около 6000 человек, в том числе в отдельном районе города, за чертой оседлости, примерно до пятисот евреев. В настоящее время Новомиргород входит в состав Кировоградской области Украины с населением 13 000 с небольшим человек. В городе имеются несколько памятников и исторических зданий, оставшихся с дореволюционного времени, например: кавалерийские казармы, крестьянская хата, памятник жертвам голодомора, лекарня 1913 года, краеведческий музей, три братских могилы – и ни одной могилы евреев, как и ни одного другого напоминания о всех 500 евреях, зверски перебитых во время погромов.

Для полной ясности и полноты картины приведу выдержку из Википедии:

По мнению историков, в 1918—1920 годах только на Украине приблизительно в 1300 населенных пунктах произошло свыше 1500 еврейских погромов. Было убито и умерло от ран, по разным оценкам, от 50 до 200 тысяч евреев. Около 200 тысяч было ранено и искалечено. Тысячи женщин были изнасилованы. Около 50 тысяч женщин стали вдовами, около 300 тысяч детей остались сиротами. Только Добровольческая армия совершила почти 300 погромов, а это 17% от общего их числа.

В 1918 году, когда маленькой Рахили, моей будущей маме, было 6 шесть лет, топорами были зарублены: ее отец, мать и дедушка, мой прадед. Мама была спасена украинкой Оксаной и воспитана старшей сестрой Руфимой, которой, по счастливой случайности, в день погрома в городе не оказалось. Руфима фактически заменила младшей сестренке мать и отца, воспитывая ее вплоть до самого замужества Рахиль. С началом войны, их связь прервалась. После освобождения Украины, мама не однократно посылала запросы на розыск сестры, пока ей не прислали официальный ответ, что она значится в списках пропавших без вести. Фактически такой

ответ означал, что Руфимь была умерщвлена в каком-то концлагере, как и сотни тысяч евреев, во время Второй мировой войны.

— Потом мы встретились с папой и поженились, — рассказывала мама дальше. — Потом родилась Оленька — ваша сестренка, которую вы уже не застали, но видели ее на фотографии. Ей там ровно пять лет. Через год ее не стало. — Немного помолчав, мама продолжила: — Вскоре началась война с Финляндией, и папу призвали на фронт, где он был, пока его не ранили. После госпиталя папа вернулся домой. А потом опять началась война, на сей раз с немцами. Мы с тобой, тебе было год или полтора, едва успели уехать из Пушкина в Ленинград, к вашему дяде, который уже был на фронте и... Наум, — обратилась она к папе, — вы вроде служили на одном фронте и чуть ли не в одной части, ведь так? Все правильно сказала?

— Мы были вместе до 43 года, а затем его комиссовали по контузии. — А ты, папа? — спросила Зина. — А я служил еще примерно с год, пока меня не ранили, после госпиталя комиссовали и меня, — ответил папа. Мама продолжила: — Хорошо, что мы с тобой успели уехать. Буквально через два дня, или даже на следующий день, в Пушкин вошли фашисты. Что с нами было бы, если бы не успели уехать, лучше не спрашивайте. Всех евреев, кого я знала в Пушкине, которые не успели или, которым не к кому было уехать, всех, и даже детей, расстреляли. Конечно, спасибо дяде Самуилу:, если бы не он, если бы каким-то чудом он не сумел передать нам ключи от своей комнаты в Ленинграде, пока мы еще были в Пушкине без немцев, то, чего говорить, не сидели бы сейчас здесь. Не знаю, может, в самом деле бог есть, и он помог нам, или так уж само собой случилось, но нам с тобой, Левчик, везло. Мы ведь и из Ленинграда успели уехать последним поездом, вернее, предпоследним. Следующий за нами поезд полностью разбомбили фашисты. Что говорить, повезло нам. Когда Ленинград взяли в блокаду, мы уже были в Кирове, а уж оттуда, месяца через два или три, не помню, мы поехали в Ташкент, в товарном вагоне. Все лучше, чем на крыше. Да, детки мои, и так было. Вот там-то, не сразу, кажется, через полгода, может, и раньше, ты, Левушка, заболел. Заболел какой-то пеллагрой. Не спрашивайте, я так и не знаю, что это за болезнь. Да что я, врачи сами толком не знали. Только представьте себе его, этакое ангелочка с открытки, — и, что с ним стало! На моих глазах, я не преувеличиваю, мой кудрявый ангелочек превратился в сморщенного старичка, с ссохшейся прозрачной кожицей на лице, ручках, на всем тельце. Врачи сказали, что у тебя отмирают клетки, и они бессильны что-либо сделать. Они говорили, что если бы меня положили в московскую больницу, то там, возможно, сумели бы помочь, «но здесь, в Ташкенте, вы же сами понимаете...» Я понимала и не понимала. Не могла понять, не могла смириться с тем, как сказал врач, что нужно готовиться к самому худшему. Конечно, я видела и понимала, что врачам очень не легко, что больница переполнена, что не хватает медикаментов, не хватает больничных коек, не хватает врачей. Детских врачей вообще не было, потому что это была городская больница, общая для раненных, стариков и детей. Кажется, я все понимала, кроме того, за что, почему я должна быть готовой потерять еще и сыночка. В конце концов, переживания и усталость сломили меня, и я заснула возле тебя, на той же койке, где ты лежал, уже в другой палате, которую называли палатой смертников. Называли ее так, потому что в ней находились вперемешку еще живые, от которых врачи отказались и которые со дня на день должны были умереть, и уже умершие, которых вывозили из палаты по ночам. Я уснула. Мне приснился мой дедушка —, впервые с того дня, как меня подвели к нему, чтобы проститься. И мне до сих пор трудно поверить, наверно, потому, что я не могу понять, был ли он во сне или это был его призрак, но, кем бы он ни был, он очень отчетливо сказал мне:» — Вспомни, Рахиль, что я сказал тебе перед своей смертью, я сказал: Он есть, он точно есть. Я часто вижу Его. Люби Его всем сердцем, всей душой.»

Дедушка исчез, в палату завезли новенького, пока еще живого или уже нет... Я проснулась или просто очнулась, не знаю. В моей голове внезапно вспыхнул ярко-голубой свет, и мне стало как будто легче. Я взяла твою высохшую ручонку и сказала, может быть, и вслух: «Бог,

не знаю, есть ли ты или нет, но если есть, докажи это оставь в живых моего малыша». То была моя первая и единственная просьба к тому, в кого я тогда не верила. Лишь страх перед новой утратой, сломил во мне упрямство безверия. Всю долгую ночь я держала твою холодную ручонку в своей руке и беззвучно повторяла одно и то же: «Левушка, сделай чудо, останься жив». Я просила только тебя, не бога, только тебя. Видно, под утро, все так же держа твою ручку, я задремала и внезапно проснулась от того, что почувствовала в своей ладони шевеление пальчиков твоей ручки. Я открыла глаза, посмотрела на тебя. Левчик, ты, мой маленький, смотрел на меня. Не просто смотрел. Ты улыбался. Это было так неожиданно, что в первый момент у меня возникло странное, не вероятное ощущение, что это не ты смотришь на меня, а мой дедушка улыбается мне. Он казался таким реальным, чуть ли не осязаемым, что я выпустила твою ручку из своей, встала и потерла ладонями свои виски. Потом опять посмотрела на тебя. Ты продолжал улыбаться, но затем личико твое сморщилось, и ты заплакал. То были первые звуки, которые ты издал за все время болезни. Они очень напоминали те, которые вы, ты и Зинуля, произвели сразу, как только появились на свет. С этого дня ты быстро пошел на поправку. Даже врачи были поражены. Левушка, ты сделал чудо, ты сделал его!.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.